

Как бы продолжая вести скорбный счет унижениям и страданиям крестьян, поэт конца эпохи Мин, современник маньчжурского завоевания и принесенных им новых бедствий для простых людей, поэт *Чжан Гань-сунь* писал в «Песне о страшной засухе»:

Но и в этот год в государев амбар
Зерновой налог подавай!
Не уплатишь налога — чиновников жди,
Страшна их скорая месть:
Сколько до смерти засекут
детей, стариков — не счесть!¹

Дидактизм, философичность, глубина этических обобщений и критика закостенелых догм официальной идеологии звучат в стихах поэтов, оппозиционных императорской власти. В поэзии *Линь Хуна* выразились идеи свободомыслия, близкие к никогда не умиравшей, но жестоко преследуемой материалистической традиции.

Конфуцианских мужей восхищают былые года.
Древность хвалить — их основная нужда.
Родись они прежде дней государя Фу-си —
О чем бы стали беседы вести тогда?
Древние люди давно отошли во тьму.
Древние мысли лишь по книгам известны уму.
Одна пустота во многих тысячах книг.
Доверять невозможно речению ни одному.²

Эпоха господства династии захватчиков-маньчжур Цин привела к окончательному «окостенению» догм неоконфуцианства, замене ученого-конфуцианца на посту чиновника конфуцианцем-эрудитом, «консультантом» императоров и широко провозглашенному соединению в лице императора правителя, получившего от Неба «мандат» на управление Поднебесной, и «совершенномудрого», прямого продолжателя и хранителя конфуцианских традиций.

Опора на традиции, усердно насаждавшиеся императорскими чиновниками-неоконфуцианцами, культ неоконфуцианской учености и культ Кун-цзы подкрепляли однозначность усвоения конфуцианского канона и норм конфуцианской морали. Это позволяло не только закрепить принципы феодальной морали, но и вести беспощадную борьбу с отступлениями от нее, с любым «беспорядком» —

¹ Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. С. 383.

² Там же. С. 379.